Полезная книга по истории аграрной статистики[1]

Рецензия на книгу: Ильиных В. А. Сельскохозяйственная статистика в Сибири (1920–1930-е гг.). Новосибирск: СО РАН, 2022. — 202 с. ISBN 978-5-6047824-5-3

И. А. Кузнецов

Игорь Анатольевич Кузнецов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, РАНХиГС, 119571 Москва, пр-т. Вернадского, 82, стр. 1.
E-mail: kuznetsov-ia@ranepa.ru

EDN WYDXDD

В последние годы история статистики привлекает к себе растущее внимание исследователей российской истории, особенно историков экономики. Тема все больше воспринимается как актуальная и значимая, вокруг нее формируется новое проблемное поле. Сделаны небезуспешные попытки проследить эволюцию статистических учреждений России на протяжении двухвекового периода, заново оценить историческую роль и место основных деятелей статистики и их концепций[2]. Стимулом и вызовом для отечественных авторов становятся работы зарубежных коллег, пишущих историю статистики на стыке истории государства, экономической политики и экономической науки[3]. В историографии накапливается материал для переосмысления статистики как вида исторических источников[4]. В этом контексте представляет интерес монография Владимира Андреевича Ильиных, ведущего представителя новосибирской

1. Публикуется в рамках Госзадания РАНХиГС 10.9-2025-1 «Экономическая статистика и российское государство: исторический опыт взаимодействия (середина XIX — первая треть XX в.)».

2. *Елисеева И. И., Дмитриев А. Л.* (2016). Очерки по истории государственной статистики России. СПб.: Росток, а также ряд статей А. Л. Дмитриева.

3. *Блюм А., Меспуле М.* (2006). Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине / Пер. с фр. М.: РОССПЭН; *Туз А.* (2021). Статистика и германское государство, 1900–1945: создание современного экономического знания / Пер. с англ., под ред. А. А. Белых. М.: Изд. дом «Дело», и др.

4. *Рынков В. М.* (2024). Статистические источники в свете видовой классификации // Уральский исторический вестник. № 3 (84). С. 114—124; см. также примечательную дискуссию с участием А. Станциани, Я. Коцониса, С. Нафцигера, М. Авреха, А. Маркевича и Е. Журавской в журнале Slavic Review (2017, no. 1, pp. 1—51).

школы историков-аграрников, посвященная истории сельскохозяйственной статистики СССР 1920–1930-х годов.

В потоке публикаций постсоветского времени работы Ильиных вообще выгодно выделяются двумя качествами. Во-первых, лаконизмом и содержательностью, что сильно повышает их ценность в глазах читателя в эпоху общей перегруженности информацией и дурной моды, взятой историками 2000-х годов на тысячестраничные псевдообобщающие монографии. Его монографии деловиты и ёмки. Во-вторых, будучи ярким представителем региональной историографии, он не замыкается в сибирской регионалистике, а через историю Сибири выходит на общероссийские и общеисторические проблемы. Такой подход был ценен всегда, но особенно важным представляется сегодня, когда региональные исследования зачастую редуцируют к краеведению, утрачивая возможность какой-либо генерализации своих выводов. На этом фоне работы Ильиных держат высокую планку, и сложившаяся вокруг него группа новосибирских историков представляет собой один из основных центров изучения российской аграрной истории.

Рецензируемая книга сводит воедино материалы, ранее опубликованные автором в отдельных статьях, однако она не является сборником статей, а представляет собой целостное исследование. Работа имеет источниковедческую направленность. В качестве центральной в ней выдвигается проблема достоверности советской статистики, которая видится источником для реконструкции объемов и динамики сельскохозяйственного производства в раннем СССР. Поскольку автор полагает, что «доказать или опровергнуть “лукавость” статданных можно на основе анализа особенностей функционирования системы сельскохозяйственной статистики» (с. 4), в книге рассматривается эволюция органов государственной статистики и методов их работы. Своей конечной целью Ильиных видел создание верифицированных динамических рядов данных, которые должны выступать «информационной основой для определения тенденций развития сельскохозяйственного производства и его организационно-производственной структуры» (Там же). В соответствии с этим структуру своей работы он построил вокруг истории четырех основных статистических показателей: посевной площади, урожайности, валового сбора и поголовья скота. Так как валовой сбор был производным от площади и урожайности, рассказ о нем было логично соединить с урожайностью, и тем самым книга получила деление на три части: (1) статистика посевных площадей, занявшая 34% объема основного текста, (2) статистика урожайности и валовых сборов зерновых культур, занявшая 45% объема, и (3) статистика животноводства, на долю которой остался 21%. Такая структура имеет свои преимущества, но создает также и некоторые издержки: этапы истории статистических учреждений в каждой части автору приходится проходить, по сути, заново или, как это характерно для третьей части, делать постоянные отсылки к вышеизложенному материалу.

Каждая из трех частей разбита на две главы: 1920-е годы и 1930-е годы. Деление по десятилетиям оправданно не только гранью «вели-

кого перелома» в истории сельского хозяйства, но и гранью 1930 года в истории статистических учреждений, когда было ликвидировано ЦСУ и функции статистического учета переданы Госплану. Материалы, посвященные обоим десятилетиям, занимают приблизительно равные проценты объема книги с небольшим перевесом в пользу 1930-х: 45 на 55 соответственно.

Согласно традициям журнала, рецензия русскоязычной книги избавляется от обязанности пересказа ее содержания. В данном случае это более чем кстати, поскольку книга Ильиных принадлежит к числу тех, которые почти невозможно пересказать, можно лишь переписать (как когда-то шутили о работах знаменитого статистика А. Ф. Фортунатова). Попытаемся несколько расширить контекст, чтобы полнее представить, о чем эта книга.

Прежде всего, в ней прослеживаются этапы экспансии советского государства в сферу хозяйственной информации. В этом отношении, как и во многих других, советское государство радикально отличалось от имперского. До революции правительство практически не регулировало сельскохозяйственное производство, бывшее сферой частного хозяйствования крестьян и более или менее крупных землевладельцев (помещиков), в той или иной степени включенных в рынок. Рынок регулировал распределение, ввоз, вывоз, переработку и потребление продуктов. Государственные закупки провианта, фуража и лошадей для армии строились на основе рыночных цен и составляли небольшую долю рынка. Размеры налогов, платившихся земледельцами и землевладельцами, не зависели от объемов производства, поэтому статистика не имела фискальных задач, а правительство не испытывало потребности в точном знании объемов производства. Единственным объектом, к которому оно проявляло интерес, было поголовье лошадей, которое время от времени подлежало весьма детализированным военно-конским переписям. Об остальном — урожаях и поголовье других видов скота — государственная статистика сообщала весьма приблизительные данные, а производство животноводческих продуктов не подлежало учету.

Поголовье скота традиционно учитывалось на конец или начало года, то есть на момент минимальной численности — стадо, оставленное на зимовку. Такой учет не стремился к «полноте», из него выпадал молодняк, ушедший на забой осенью, зато он имел ясную цель: учет основного капитала сельского хозяйства, не смешивая капитал с доходом (скотом, забитым в течение года).

Основная государственная статистика урожаев, ведшаяся Центральным статистическим комитетом, имела целью общий контроль над продовольственным положением. Правительству (то есть Министерству внутренних дел, с 1802 г. отвечавшему за продовольственную безопасность страны), по большому счету надо было знать, достаточно ли в этом году хлеба, и в каких регионах есть опасность голода. Но определяя размер помощи голодающим, правительство использовало не статистику, а ориентировалось на конкретные запро-

сы с мест, подаваемые по соответствующим административным каналам. Дополнительный мониторинг урожайности вел Департамент земледелия по анкетам добровольных корреспондентов. Бизнес-сообщество и Министерство финансов, недовольные медлительностью и сомнительной достоверностью полицейско-продовольственной статистики ЦСК, с рубежа XIX–XX в. ориентировались на сообщения податных инспекторов и корреспондентов «Торгово-промышленной газеты», оперативно освещавших положение дел преимущественно в хозяйствах коммерческого сектора. Некоторые губернские земства, переселенческие управления в Сибири заводили собственную статистику урожайности, проводили местные переписи земель и скота. При общем критическом настрое властей, экспертного и бизнес-сообщества к российской сельскохозяйственной статистике она в целом выполняла свои задачи и постепенно совершенствовалась.

Революция сломала старую систему статистики и изменила само отношение государства к статистике. Статистика сельскохозяйственного производства получила фискальный характер, став основой для расчета налогооблагаемой базы. Советское государство монополизировало статучет, уничтожив частно-общественные альтернативы и постепенно выстраивая единую административную вертикаль статистики. Центр тяжести в работе статорганов переносился на контроль за полнотой и достоверностью информации, вводились санкции за ее искажение.

В 1920–1930-е годы советская сельскохозяйственная статистика пережила беспрецедентный в истории каскад реформ. Реформы происходили сначала в деятельности ЦСУ, затем последовала ликвидация самостоятельного органа статучета, так что в течение двух лет (1930 и 1931), по существу, не было нормальной статистики. Затем центральное статистическое учреждение было восстановлено (ЦУНХУ), но в структуре Госплана со специфическим пониманием цели его деятельности. С 1932 года новации в статистике сельского хозяйства происходили практически ежегодно. При этом сообразно изменениям текущих методик то и дело производился перерасчет уже опубликованных цифр прошлых лет, что заставляет историков проявлять особенное внимание к сопоставимости данных.

Эпоха 1920-х годов еще сохраняла традиции и подходы дореволюционной земской статистики, лидеры которой после революции возглавили ЦСУ и получили, казалось, от новой власти добро на реализацию своих давних идей и стремлений. Стоявшие в оппозиции к казенной, полицейской статистике, они стремились создать новое статистическое учреждение как вневедомственное и надведомственное, соединенное с наукой и обладающее функцией внешнего, объективного контроля над состоянием общества, государства и экономики. Концентрировавшиеся до революции на изучении крестьянского хозяйства в рамках отдельных губерний, бывшие земские статистики теперь получили возможность проводить сельскохозяйственные переписи в масштабе всей страны и развернуть бюджетные обследования по единой программе.

Впрочем, урожайная статистика и вообще статистический мониторинг производства никогда не были сильной стороной земской статистики. Это проявилось уже в годы Первой мировой войны, когда планы снабжения пришлось базировать на пресловутой полицейской статистике ЦСК, отставив в сторону разрозненные земские материалы. И далее в годы Гражданской войны именно старые данные ЦСК о средних предвоенных урожаях служили советской статистике основой, пусть и шаткой, для вычислений приблизительных объемов сельскохозяйственного производства, позволяя переводить условные оценки урожайности в баллах — в пуды.

В 1920-е годы корифеи земской статистики в полной мере ощутили сложность организации собственного текущего учета урожаев во всесоюзном масштабе. К застарелым, но понятным методологическим проблемам, требовавшим научного решения, присоединились новые политические аспекты, не существовавшие в царской России. Объемы производства, распределения и потребления зерна, бывшие ранее частным делом, в СССР стали необходимым элементом планов государственных заготовок, на которых строилось и снабжение городов, и растущей промышленности, и экспорта, ставшего государственной монополией. Неверное определение урожая угрожало срывом государственных планов. Статистики оказывались у правительства в роли стрелочников. Фискальная функция статучета (хотя формально налоговый учет был отделен от статистики, на практике они координировались) стимулировала крестьян укрывать объекты обложения (посевы, скот), а статистиков ставило в положение хуже царской полиции, заставляя разоблачать крестьянские ухищрения. Кроме того, в советском идеократическом государстве у статистики постепенно оформлялась новая функция — средства пропаганды и легитимации власти. Царская «полицейская» статистика подобными вещами не занималась. Деятели старой земской статистики, верные идеалам научности, объективности и народолюбия, все меньше вписывались в политику коммунистической партии и правительства. Это находило отражение в конфликтах ЦСУ и Госплана, вспыхивавших в первой половине 1920-х годов, а в середине 1920-х и прямых конфликтах с партийным руководством по поводу оценки урожая, процента необходимых поправок и принципов составления хлебофуражного баланса страны. «Великий перелом» окончательно оборвал нить, шедшую от традиций земско-статистической методологии с ее «весенними» и «осенними» опросами крестьян, крестьянскими бюджетами и сетью добровольных корреспондентов (статкоров) на местах.

Коллективизация изменила объект статистического наблюдения: на место мелких крестьянских хозяйств пришли крупные колхозы и совхозы с добавлением сектора карликовых частных хозяйств (ЛПХ). Это меняло и задачи, и возможности статистики. С другой стороны, государство непрерывно наращивало требования к полноте, достоверности и оперативности статистических данных. Создав директивно-плановую экономику, сталинское правительство хотело

как можно раньше знать объем произведенного в данном году ресурса, продовольственного и сырьевого. Вычисление реального объема собранного урожая, который определяется лишь по итогам обмолота, было слишком длительной и сложной процедурой. Государство хотело знать его уже в начале уборки, если не еще раньше. Отсюда повышение интереса к данным о «видах на урожай» (которые, сколько бы им ни придавали вида научных экспертных оценок, всегда условны и, как правило, завышены). Отсюда привязка статистики в 1930-е годы в конечном счете к биологическому урожаю (на корню), который можно было замерить объективными методами (наложением метровок, выборочными контрольными обмолотами), но который на практике весьма далек от размеров реально собранного урожая.

Сущность происходившего в советской статистике и вокруг нее представляется достаточно простой. Государство стремилось максимизировать объем изымаемых из села ресурсов. Крестьяне и колхозники, защищаясь от постоянной угрозы голода, стремились занизить свои производственные показатели. Государство непрерывно боролось с занижением. По мере огосударствления сельского хозяйства статистика из метода научного знания перерождалась в орган дознания. Дополнительные сложности в 1930-е годы создавала позиция местного руководства, партийного и колхозного, интересы которого, причудливо сочетая стремление к поощрениям и страх перед наказаниями, заставляли лавировать между завышением показателей в угоду сталинским установкам и приближением их к реальности.

Книга Ильиных содержит последовательное фактологическое описание этих процессов, выдержанное в сугубо позитивистском ключе, с осторожностью в интерпретациях и выводах. Автор приходит к заключению, что в результате усилий государства во второй половине 1930-х годов качество учета посевных площадей и поголовья максимально улучшилось: «Советская статистика второй половины 1930-х гг. в части определения динамики посевных площадей и поголовья скота, по нашему мнению, была в целом достоверной и репрезентативной. Утайка субъектами учета части своего хозяйства от органов госстатистики, а также приписки в полной мере искоренить не удалось, но их масштабы существенно снизились и в достаточной степени учитывались при обработке первичных данных» (с. 189). Гораздо сложнее обстояло дело с качеством данных об урожайности и, соответственно, о валовых сборах хлебов: «Размеры официально утвержденного валового сбора зависели не от реального амбарного веса, а от политической конъюнктуры. Базовыми показателями его определения являлась урожайность на корню, на основе которой принимались хлебозаготовительные планы. Попытки реформирования системы в середине и конце 1930-х гг. ситуацию принципиально не изменили. Несмотря на новации, исчисленные урожаи оставались политически обусловленными. Урожайная статистика по-прежнему в значительной степени имела пропагандистский и мобилизационный характер» (с. 150, 189).

Важным итогом работы выступают составленные Ильиных ряды данных, которыми завершается каждая из глав книги. Они приводятся в таблицах, отдельно по СССР в целом и по Сибири (по мере возможности в сопоставимых границах или по ее макрорегионам). Источниками всех цифр являются официальные издания, в некоторых случаях архивные дела, авторских реконструкций нет. При наличии альтернативных данных, с теми или иными поправками, ряды имеют варианты. Важно, что данные в каждом из рядов отобраны автором после выяснения обстоятельств их появления, методик подсчетов и тем самым проверены на сопоставимость. В этом аспекте монография может использоваться в качестве справочника.

Говоря о недостатках книги, можно отметить, что в историографическом очерке, составляющем Введение, думается, заслуживали упоминания некоторые, увы, пропущенные работы. В частности, коллективная монография «Массовые источники по социально-экономической истории советского общества», созданная по инициативе И. Д. Ковальченко и ставшая для своего времени (1979 год) определенным этапом в разработке проблем исторической статистики: в особенности ее глава 4 «Статистика сельскохозяйственного производства в СССР», а также отчасти главы 6 и 7, посвященные источникам по истории колхозов и совхозов[5]. Ильиных ссылается на статью И. А. Тропова, однако ему стоило хотя бы упомянуть небольшую, но знаковую монографию того же автора, тем более что в ней он также излагал свою точку зрения на поправки в статистику 1920-х годов, отличную от точки зрения Ильиных[6].

В целом рецензируемая работа заслуживает высокой оценки. Собранный и обобщенный в ней фактический материал может служить основой для дальнейших изысканий, а также размышлений об истории сельского хозяйства, статистики как государственного института, особенностях социально-политического устройства советского общества и исторической эволюции советской государственности.

A useful book on the history of agricultural statistics

Review of the book: Ilyinykh V. A. (2022) Agricultural Statistics in Siberia (1920—1930s), Novosibirsk: SO RAN, 202 p.

Igor A. Kuznetsov, PhD (History), Senior Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: kuznetsov-ia@ranepa.ru

5. Массовые источники по социально-экономической истории советского общества (1979) / Отв. ред. И. Д. Ковальченко; предисл. В. З. Дробижева, Ю. А. Мошкова. М.: Изд-во МГУ.
6. *Тропов И. А.* (2007). «Национализация информации»: Политическая власть и ЦСУ в послереволюционной России. СПб.: ГУАП, 2007.